

В. В. Костенко, А. А. Новик

**ОТНОШЕНИЕ К СОСЕДЯМ ДРУГОЙ РАСЫ:
КЕЙСЫ АЛБАНИИ И КОСОВО**

АННОТАЦИЯ. В работе с помощью этнологических и социологических (опросных) данных анализируется, как относятся жители Албании и Косово (косовские албанцы) к представителям других рас. Междисциплинарный подход позволяет, с одной стороны, сравнить уровень нетерпимости в балканских странах и проанализировать, какие индивидуальные характеристики связаны с наиболее негативным отношением к соседям, которых жители балканских стран классифицируют как расово *других*. С другой стороны, материалы интервью дают возможность прояснить, как общие настроения, фиксируемые массовыми опросами, отражаются в реальном опыте и взглядах людей. Вопрос расизма на Балканах интересен теоретически, поскольку опыта реального соседства с людьми других рас у большинства людей в регионе нет и никогда не было (за исключением короткого периода дружбы Албании с Китаем с 1961 по 1971 г.). Таким образом, вопрос о соседях другой расы становится важен не только сам по себе, но и как маркер готовности к взаимодействию с группами малоизвестных *других*.

В работе показано, что в Албании, десятилетиями существовавшей в международной изоляции, очень высок уровень нетерпимости к любым *другим*, в то время как в Косово, долгое время бывшем частью более открытой Югославии и Сербии, несмотря на недавний травматичный опыт этнического конфликта, сопровождавшегося военными действиями и вмешательством внешних сил, отношение значительно более толерантное, хотя хуже, чем в остальных странах, возникших после дезинтеграции бывшей Югославии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Албания, Косово, междисциплинарность, европейское исследование ценностей, расизм, соседства в Европе

УДК 394:316(497)

DOI 10.31250/2618-8600-2019-2(4)-100-127

КОСТЕНКО Вероника Викторовна — к.с.н., н.с. лаборатории сравнительных социальных исследований, доцент школы социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: veronika.kostenko@gmail.com; vvkostenko@hse.ru

НОВИК Александр Александрович — к.и.н., заведующий отделом европеистики, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; доцент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: njual@mail.ru; novik.petersburg@gmail.com

Отношение к *чужому*, *другому* является одной из ключевых характеристик любого общества (Зиммель 2008). С начала XX в. этот вопрос становится одной из главных движущих сил развития социальных наук (Park, Burgess [1925] 2019), а в послевоенный период приобретает еще большую актуальность. При этом расовый вопрос, как долго считалось, разделял в первую очередь американское общество, в то время как в Европе, особенно после Второй мировой войны, речь шла скорее об этничности¹. Как показывают многие современные исследователи, сама идея разделения людей на расы и приписывания им различных социальных характеристик тесно связана с колониализмом (MacMaster 1997; Bonilla-Silva 1997). В России «либеральная антропологическая парадигма <...> описывала и тем самым фиксировала и абсолютизировала объективные показатели физических типов империи, при этом осознанно сопротивляясь иерархизации групп населения, радикальной социальной инженерии, конструированию коллективных идентичностей, идеологизации физических показателей, евгеническим спекуляциям и т. п.» (Могильнер 2008: 460). В 1920-е гг. в Советском Союзе физические антропологи (например, Виктор Валерианович Бунак) начали развивать евгенику, быстро потерявшую популярность, а диалог с властями стали вести этнографы, предложившие языковые и культурные основания для разделения вновь создаваемого государства (Hirsh 2005). Таким образом, сначала в Советском Союзе, а после Второй мировой войны и на всем пространстве социалистического лагеря и в странах, к нему примкнувших, модель разделения по принципу этнической принадлежности возобладала над расовой, а раса продолжала (и до сих пор продолжает) восприниматься большинством как сугубо биологический феномен. Так, в советских школьных учебниках биологии о расах упоминалось вскользь (выделялось четыре расы: «негроидная», «монголоидная», «европеоидная» и «аборигены Австралии»). Исходя из этого, нет оснований ожидать специфически сильного расизма в посткоммунистических странах. Однако если посмотреть на карту Европы (рис. 1), станет очевидно, что во всех посткоммунистических обществах уровень расизма выше, чем в тех, где социалистического опыта не было.

Чтобы прояснить причины такого явления, мы обратимся к теории контакта (Allport 1954; Pettigrew 1998). Эта теория в общем виде предсказывает, что возможность коммуникации (в первую очередь в равноправных ситуациях) с представителями других групп значительно снижает уровень воспринимаемой опасности. Однако исследования частных ситуаций, особенно при сложных комбинациях различных групп в одном контексте, показывают, что общая логика позитивного воздействия

¹ В Российской империи, как показывает М. Могильнер в книге «Homo Imperii: История физической антропологии в России» категория «раса» функционировала в парадигме отказа от биологического субстрата различий между людьми, что значительно опередило свое время (Могильнер 2008).

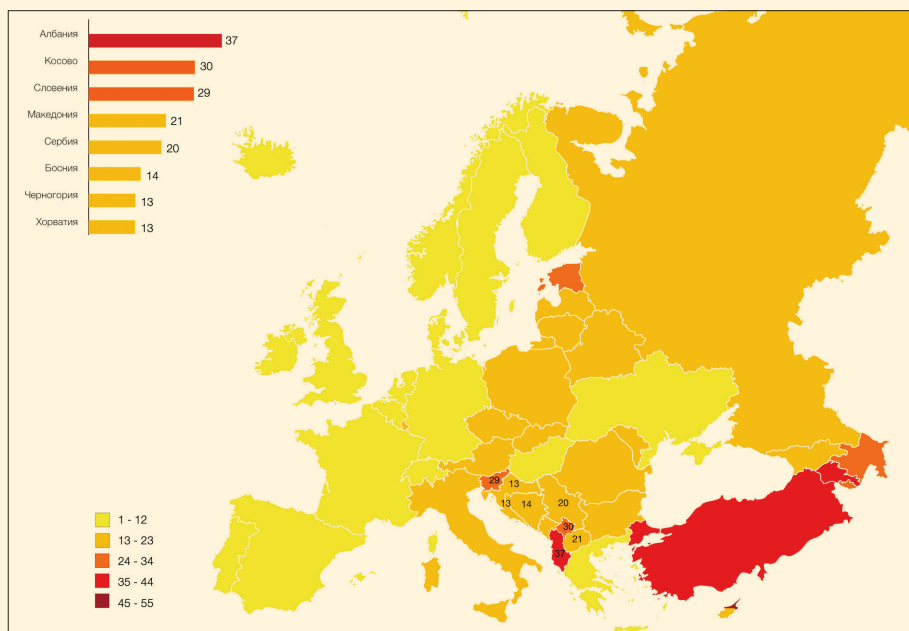

Рис. 1. Процент респондентов, которые не хотят, чтобы их соседями были представители другой расы (EVS 2008)

контакта может значительно усложняться. Например, в США показано, что в некоторых районах представители меньшинств в ситуации контакта развивают больше предрассудков относительно друг друга, в то время как представители большинства меньше проявляют их (На 2010).

В европейских исследованиях, особенно касающихся посткоммунистических обществ, не принято использовать вопрос об отношении к людям другой расы, что связано скорее с традицией использования термина, чем с отсутствием проблемы (Foner, Alba 2008). Теоретики и философы давно говорят о том, что отношение к иммигрантам (и специально — к мусульманам) во многих европейских странах становится все более расистским (Theo Goldberg 2006).

ИСТОРИОГРАФИЯ

Отношение к расам на Балканах никогда не являлось предметом специального интереса исследователей (редким исключением можно считать книгу под редакцией Джозефа Хелда (Held 1996), где эта проблема рассматривается в ряду других типов межгрупповых отношений в Восточной Европе) в первую очередь потому, что данная проблематика не считалась релевантной в парадигме знаний об обществе. Так, например, в книге албанских исследователей Неби Бардоши и Ольси Леляй «Этнография при диктатуре: знание, наука, наш Холокост» дается полная палитра

этнологических и — шире — антропологических штудий и научных проблем, находившихся в фокусе науки о человеке в период строительства социализма в Албании, между тем вопрос изучения расового разнообразия населения Земли или исследования отношения в албанском обществе к представителям различных рас никогда не ставился (Bardhoshi, Lelaj 2018). Албанская наука, бравшая пример с классических трудов русских и советских ученых, была полностью сосредоточена на изучении традиционной культуры албанского народа, как правило, не заходя в своих интересах даже за политические границы собственной балканской страны (притом, что сотни тысяч албанцев проживают в соседних странах: Косово, Сербии, Северной Македонии, Черногории, Греции). Это наблюдение подтверждается тем фактом, что в крупнейших научных архивах и картотеках в Институте культурной антропологии и искусствоведения (Тирана), Институте языкознания и литературы (Тирана), Институте истории (Тирана) нет ни одного исследования или архива полевых материалов, связанных с изучением проблемы отношения к представителям других рас в период с 1940-х по 2010-е гг. (этим вопросом авторы настоящей работы специально занимались начиная с 2008 г.).

В Косово ситуация обстояла подобным образом. Долгое время Косово и Метохия входили в состав Сербии и Югославии. Университет в Приштине с преподаванием на албанском языке был открыт лишь в 1969 г. (в наше время это *Universiteti i Prishtinës “Hasan Prishtina”*). Непростым решением были созданы первые научные центры в крае — Институт албанологии и др. Деятельность этих учебных и исследовательских центров была направлена в первую очередь на изучение языка, литературы, культуры, фольклора албанцев — прежде всего албанцев Косово, так как возможностей для пересечения границы с Албанией, пребывавшей под тоталитарной диктатурой, у ученых практически не было. Задач по изучению различных вопросов на стыке классической этнографии и социальной антропологии перед исследователями не стояло. Специалисты-этнографы — албанцы Косово — занимались в основном той проблематикой, которая была конъюнктурно выгодна для края, стремящегося к независимости, а именно позиционированием и популяризацией народной культуры и родного языка.

Таким образом, этнографических и антропологических специальных исследований, посвященных отношению к *другим*, в том числе к представителям других рас, ни в Албании, ни в Косово не было сделано, однако есть опросы общественного мнения, выполненные социологами, которые дают возможность обратиться к данной проблематике.

В таблице 1 можно видеть, какую долю от всего населения составляют мигранты. Эта доля колеблется от минимальных 1–1,5% в Боснии и Герцеговине и Албании до достаточно высоких 13% в Хорватии и Черногории, при этом абсолютное большинство мигрантов

в регионе — выходцы из соседних стран. Как видно из таблицы, доля мигрантов в выборке всегда чуть меньше реальной, что вполне ожидаемо и наблюдается во всем мире, так как мигранты часто сталкиваются с трудностями легализации и могут избегать любого взаимодействия с официальными лицами. Тем не менее, погрешность не превышает 3–4 процентных пунктов.

Таблица 1

**ЧИСЛО И ПРОЦЕНТ МИГРАНТОВ
В ВЫБОРКАХ ПО СТРАНАМ**

	Местные (в выборке EVS), данные собраны в 2008–2010 гг.	Мигранты (в выборке EVS), данные собраны в 2008–2010 гг.	Доля ми- грантов в стране по официальным данным*** (OECD 2010)	Больше всего мигрантов из (по данным Pew Research 2010)
Албания	1 522	5 (0,3%)	1,5%	Греция
БиГ*	1 457	53 (3%)	1%	Хорватия, Сербия
Косово	1 530	60 (4%)	Нет данных	Нет данных
Македония**	1 443	42 (3%)	6,3%	Албания, Сербия
Сербия	1 378	129 (9%)	11,4%	БиГ, Хорватия
Словения	1 243	103 (8%)	12,2%	БиГ, Хорватия
Хорватия	1 328	161 (11%)	12,9%	БиГ, Сербия
Черногория	1 332	176 (12%)	13%	БиГ, Сербия

* Босния и Герцеговина.

** С 2019 г. официальное название — Северная Македония.

*** Рассчитана авторами как доля от общего населения страны в 2010 г. (данные OECD (Organization for Economic Co-operation and Development)), данные по числу мигрантов получены из проекта Pew Research Center по международной миграции. URL: <https://www.pewresearch.org/global/interactives/global-migrant-stocks-map/> (дата обращения: 25.04.2019).

Согласно приведенной статистике, мигранты в балканских странах малочисленны и происходят преимущественно из соседних стран. Ни в одной из стран, о которых идет речь в данной работе, нет значительного присутствия представителей других рас. Тем не менее в некоторых странах наблюдается значительная доля респондентов, которые не хотят видеть представителей других рас в качестве соседей (табл. 2). В чем же причина такой обеспокоенности? Представляется, что отношение к *другим* может быть связано не с реальным отношением к этим группам (тем более, что с представителями многих из них местные жители никогда не сталкивались), а коррелирует с воображаемой угрозой, сформулированной в терминах экономической конкуренции, культурной экспансии или религиозного влияния (Hainmueller, Hopkins 2014). Этот вопрос, на первый взгляд, сугубо теоретический, отражает общий уровень неприязни к *другому*.

МЕТОДЫ

В работе мы объединяем этнологические методы, а именно — интервьюирование, фиксацию нарративов, включенное наблюдение и др. (сведения получены в ходе полевых исследований, которые проводились с 2002 по 2019 г. в Албании и Косово в рамках комплексных этнолингвистических экспедиций МАЭ РАН, ИЛИ РАН и СПбГУ), а также данные опросной социологии (Европейское исследование ценностей 2008).

В 2008 г. впервые был проведен репрезентативный стандартизированный опрос по методике Европейского исследования ценностей на Балканах. Всего в это исследование вошло 47 стран Европы, что является абсолютным рекордом для европейских межстрановых опросов. Эти данные не получили достаточного освещения в российских исследованиях региона. Между тем они находятся в открытом доступе и содержат много интересных сведений, касающихся отношения жителей этих стран к политическим, экономическим, экологическим, миграционным проблемам, а также информацию о гендерных установках европейцев, уровне доверия, оценке здоровья и благополучия и сведения по многим другим вопросам.

В данном исследовании мы сосредоточимся на том, как жители балканских стран относятся к своим соседям, кого они предпочитают не видеть рядом. В Европейском исследовании ценностей вопрос соседства сформулирован так: «Здесь перечислены различные группы людей. Назовите группы, с представителями которых вы не хотели бы жить по соседству», далее дан список из 14 групп (люди с преступным прошлым, люди другой расы, левые экстремисты, алкоголики, правые экстремисты, многодетные семьи, люди с неуравновешенной психикой, мусульмане, иммигранты / иностранные рабочие, больные СПИДом, наркоманы, гомосексуалы, цыгане, евреи, христиане), среди которых респондент мог выбрать столько, сколько считает нужным. Поскольку в этой работе нас интересуют межгрупповые взаимодействия, в таблице 2 представлена статистика только по шести вариантам ответа.

Таблица 2

ПРОЦЕНТ ЛЮДЕЙ, НЕ ХОТЯЩИХ СОСЕДСТВОВАТЬ
С КАЖДОЙ ИЗ ГРУПП (ПО СТРАНАМ)

	Люди другой расы	Иммигранты / Иностранные рабочие	Мусульмане	Евреи	Цыгане	Христиане
Албания	36.6	31.3	28.5	37	41	26.5
БиГ	14.3	14.5	13	15	22	5.5
Косово	29.2	35.7	19.6	23	26	15.5
Македония	21.2	20.4	26.8	16	16	5.7
Сербия	20	22.7	27	18	24	16.7

	Люди другой расы	Иммигранты / Иностранные рабочие	Мусульмане	Евреи	Цыгане	Христиане
Словения	28.9	28.5	29.3	28	39	—
Хорватия	12.7	13.3	17.5	12	25	7.4
Черногория	12.8	11.3	12.7	15	20	8.6

Видно, что наибольший уровень нетерпимости к иноэтничным группам наблюдается в Албании, Косово и Словении, в то время как Черногория и Хорватия демонстрируют низкие уровни нетерпимости к соседям другой расы / иностранцам².

Общий уровень нетерпимости к иноэтничным соседям коррелирует с нетерпимостью к религиозным группам. Здесь интересен тот факт, что в Албании 28,5% респондентов не хотели бы видеть мусульман в качестве соседей, но почти такой же процент (26,5%) против соседства с христианами. Для сравнения также добавлено отношение к соседям евреям (в данном контексте случай почти нереальный, здесь он служит показателем общего уровня нетерпимости)³.

В работе мы обратим особое внимание на два общества: Албанию и Косово, чтобы с помощью этнографического материала попытаться объяснить, с чем связан крайне высокий уровень расизма в одном из них и несколько более низкий в другом. Выбор этих стран обусловлен их культурной и языковой близостью, а также особенностями их исторического развития и остротой этнических противоречий в настоящее время (это касается Косово).

ОТНОШЕНИЕ К ВЫХОДЦАМ ИЗ АЗИИ В АЛБАНИИ И КОСОВО (ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

АЛБАНИЯ. Фиксируемое во время опросов и интервью отношение, зачастую негативное, албанцев Албании к представителям других рас — речь идет о «монголоидах» и «негроидах» (условные термины, к которым прибегают как некоторые исследователи, так и сами интервьюируемые, нейтральными, без дополнительных коннотаций в албанском языке являются: *raca aziatike*, *raca zezake*) — имеет, судя по имеющимся материалам, определенную историческую и политическую подоплеку.

² Оригинальная формулировка в Албании, Македонии (алб. вариант) и Косово: *Persona të një race të ndryshme*, в Боснии, Сербии, Черногории, Косово (сербский вариант) и Хорватии: *ljude druge rase* (правильный вариант: *ljudi druge rase*), в Македонии: *lyfe od druga raca*, в Словении: *ljudje druge rase*.

³ Согласно имеющейся статистике, в Албании до 1991 г. проживало до 500 евреев, большая часть которых в дальнейшем репатрировалась в Израиль (Sinani 2014).

Так, после разрыва политических, экономических и прочих связей (включая дипломатические) с бывшим СССР⁴, свертывания культурных, научных и образовательных программ, проводившихся в рамках сотрудничества с главным зарубежным партнером и локомотивом всего социалистического лагеря, Албания с начала 1960-х гг. взяла курс на тесную кооперацию с Китаем. Вектор на сближение с Поднебесной был взят партийными бонзами еще раньше, практически сразу после проведения XX съезда КПСС в 1956 г., на котором Никита Хрущев со свойственной ему импульсивностью объявил борьбу с культом личности И. Сталина и авторитарными методами управления (Смирнова 2003). Приглашенный на съезд албанский лидер Энвер Ходжа, верный сталинским идеям, в знак протеста покинул Москву. С этого времени вектор курса албанского руководства изменился и направлен был на Пекин. Тем не менее о полном разрыве связей бывший СССР и Албания заявили лишь в конце 1961 г. (Historia 2008).

Нишу, которую прежде занимал в балканской стране Советский Союз, стремительно занял Китай. В Албанию хлынул поток китайских специалистов, советников (включая военных), на полках магазинов появились китайские товары, был дан старт многочисленным культурным программам. В рамках межгосударственных соглашений многие албанцы (студенты, специалисты и др.) прошли курсы обучения в китайских вузах и на предприятиях.

В целом с 1961 по 1971 г. — в период политико-экономической ориентации Албании на Китай — китайским государством была оказана экономическая помощь балканской стране (Historia 2008), превосходившая вложения СССР в Албанию — с 1944 по 1961 г. — в девять раз. Однако такая поддержка не нашла «должной благодарности» со стороны простых албанцев: китайское не стало престижным, любимым, эталонным, как это происходило в разные периоды с итальянским, русским, американским. И в данном случае вряд ли уместна поговорка «не в коня корм» — речь не о черной неблагодарности албанцев. Просто на албанской почве китайское не пускало корни. Насаждавшиеся сверху рабочие акции — выходы на работу в выходные дни, борьба с религией, закрытие храмов и монастырей, религиозных институтов, репрессии и физическое уничтожение служителей культа, попытки искоренения всего традиционного — в этом большинство граждан страны усматривало влияние культурной революции и ее идеологов в Китае. В значительной степени именно идеологическое давление из Пекина вынуждало албанское руководство двигаться в одном русле с китайскими товарищами. Это не могло не вызывать отторжения в стране. Выражать открыто свое недовольство было вообще невозможно при тоталитарном режиме, зато на

⁴ Отношения «Великой дружбы» социалистическую Албанию и СССР связывали с 1944 по 1961 г.

уровне бытовом никто не сдерживал эмоций: «Нас заставляли участвовать в акциях. Мы ходили с транспарантами!» (ПМА 2008).

В Тиране и других городах и селах страны из громкоговорителей, установленных на главных площадях, целыми днями раздавалась китайская музыка. Трансляции выступлений Пекинской оперы, порядком поднадоевшие неподготовленным слушателям, наши информанты до сих пор вспоминают со смехом:

Мы целыми днями вынуждены были слушать эти звуки. Мы не любили китайскую музыку — потому что ее не понимали. А еще <...> нас заставляли ее слушать наши лидеры. Шанса, что нам понравится такая музыка, не было совсем. Вот русскую музыку мы любили, несмотря ни на что... Мы ее слушали, пели русские песни. В стране все время менялись политические настроения, но повлиять на наши вкусы никто не мог!

Из Китая приезжали специалисты, как один — члены партии. Они ходили в одинаковой одежде, одинаково себя вели, всегда были группой. Нам не нравился такой подход — все вместе, все одинаковые, все одной кучей. Китайское нам точно не подходило! Мы — европейцы (Информант: албанец, 75 лет, родился в селе Дарда, округ Корчи, Албания, ученый. Интервью записано в сентябре 2013 г.).

Албанцам обычно казались непривлекательными специалисты, приезжавшие из Китая. Подтверждением этих слов может послужить хотя бы тот факт, что практически не было зарегистрировано албанско-китайских браков. В то время как между мужчинами из Албании и женщинами из СССР в период с 1944 по 1961 г. было заключено более 400 браков, меньшее число было заключено между албанками и советскими мужчинами, но и такие браки были (Новик 2018: 238–256). Албанцам не нравилось, «как выглядели китайские товарищи»: в унифицированной одежде и обуви, женщины без макияжа, «одинаково подстриженные». Незначительному числу албанцев удалось побывать в Китае в период тесного сотрудничества между двумя странами. В основном это были представители партийной номенклатуры и специалисты в области промышленности и техники (КНР строила металлургический завод в Эльбасане, текстильный комбинат в Тиране и большое количество других предприятий). Побывавшие в Поднебесной албанцы, даже если и попадали под впечатление от достижений «великого брата», не становились обожателями китайской культуры и последователями всего китайского — столь велики были различия между традициями, менталитетом и т. п. представителей двух стран. Имидж китайцев не imponировал албанцам несмотря на массивную прокитайскую агитацию государственных СМИ.

Из ответов информантов можно сделать вывод о том, что крайности режима монизма⁵ албанцы связывали напрямую с китайским влияни-

⁵ Эпоха правления диктатора Энвера Ходжи (1944–1985) называется в Албании *монизмом* (алб. *moniz/ëm, -mi*), то есть «правление одного».

ем, культурной революцией и прочими «азиатскими веяниями». Китай эпохи Мао во многом определил представления албанцев о Востоке. Стереотипы, которые складывались поспешно и зачастую случайно, на долгие десятилетия в дальнейшем определили отношение к Азии, азиатам (почти всем без исключения) и их культуре. В начале 1990-х гг., когда Албания открылась для контактов с зарубежными странами, Китай вернулся сюда — с новыми проектами по сотрудничеству, инвестициями и т. д. Однако настороженность, которая возникла по отношению к Азии еще в середине XX в., не исчезла: на уровне подсознания люди остерегаются огромной восточной страны, на всякий случай не хотят завязывать с ней сотрудничества и откровенно опасаются наплыва азиатов.

В этом плане интересное наблюдение связано с представлениями и отношением к азиатам — выходцам из СССР. Их — как это происходит и в других странах⁶ — не считают азиатами, они здесь — «русские». Часть наших информантов даже не обращает внимания на их физические отличия от европеоидов — национальное соотношение видится более релевантным.

В последние десятилетия — начиная с 1991 г. — в Албании стал активно развиваться китайский бизнес. Экономические связи были возобновлены после вызванного политическими мотивами разрыва двусторонних отношений в сфере производства, торговли и проч. Однако по сравнению с периодом 1960–1970-х гг., когда экономика обоих государств и все внешнеторговые сношения полностью регламентировались правительствами и партийным руководством, начиная с 1991 г. взаимная торговля между Албанией и Китаем, а также различные проекты экономического характера стали определяться выгодой и целесообразностью в первую очередь со стороны частного предпринимательства. Особенно это касается албанской стороны. Развитие торговых отношений с Поднебесной пережило за прошедшие двадцать с лишним лет несколько этапов. Так, в самом начале 1990-х гг. в Китай «за дешевыми товарами» отправились начинающие албанские бизнесмены. В порту Дурреса разгружались корабли, доставлявшие самые разные товары, в первую очередь так называемые предметы «народного потребления». Понятно, что албанские предприниматели старались купить подешевле, а продать повыгоднее. Албанию запрудили низкокачественные вещи китайского производства. Если взять, например, среднестатистическое кафе (коих открылось в первые годы в демократизирующейся Албании превеликое множество), то большая часть мебели (в основном пластмассовой), кухонной утвари, посуды имела штамп «Made in China». Дешевизна и непритязательный внешний вид, а — самое главное — низкое качество

⁶ Например, выходцев из Казахстана, немцев, детей смешанных казахско-немецких браков, часто имеющих восточную внешность, в Германии на бытовом уровне упорно называют «русскими».

таких вещей влияли негативным образом не только на имидж Китая, но и на отношение к представителям этой страны.

Если в 1950–1970-х гг. в Китае удалось побывать верхушке партийной элиты и немногим представителям профессиональных кругов, связанных с металлургией, текстильным производством и т. п. (главным образом из Тираны, Эльбасана и других крупных городов), то начиная с 1990-х гг. в Поднебесную съездило довольно много бизнесменов, ученых и др. (уже из самых разных уголков балканской страны). После возвращения побывавшие в Китае делились впечатлениями с близкими и друзьями. При тотальном контроле государства в годы правления Энвера Ходжи делиться мнением о «великом брате» было особо не принято, тем более что опыт пребывания в стране, проводившей культурную революцию, был не всегда положительным. В новых условиях демократических трансформаций ничто не сдерживало от высказывания искренних впечатлений — а они нередко также были не в пользу сравнения с богатыми европейскими странами, в которых в 1990-е гг. уже успели побывать многие албанцы.

«Janë të zgjuar si ne?» (алб. ‘Они такие же цивилизованные, как мы?’) — такой вопрос о китайцах часто можно было услышать даже в среде интеллектуальной элиты в 1990-е — начале 2000-х гг.

Затем наступил новый этап двусторонних связей. В Китай стали ездить не только бизнесмены средней руки, но и представители правящей элиты, университетские преподаватели, деятели культуры. Чрезвычайный рост экономики азиатского гиганта, очевидные успехи в строительстве, технике, развитии инфраструктуры и проч. чрезвычайно повысили имидж Китая в глазах албанцев. Однако к этому времени Албания успела переориентироваться полностью на Западную Европу. В упомянутых албанских кафе и ресторанах престижным стало иметь не только итальянскую посуду, приборы и иную кухонную утварь, но даже и мебель. Такие предметы почти полностью вытеснили изделия китайской промышленности. Этому способствовали, без сомнения, и успехи албанской экономики: бизнесмены (даже на периферии) смогли позволить себе покупать то, что считалось престижным, а не только то, что было доступным.

В 2010-е гг. Китай начал многоуровневое продвижение в плане экономического присутствия на Балканах, в частности в Албании и Косово. Плановая и одновременно рыночная экономика (первая по объему в мире!) предпринимает значительные усилия для укрепления роли Китая в этом регионе⁷. Однако этому препятствуют другие государства.

⁷ Приведем здесь один пример. В начале 2010-х гг. в Тиране было объявлено о помощи зарубежных стран учебным заведениям Албании. В акции участвовали иностранные посольства, Институт Гёте из Германии, «Alliance Française» и др. Российская сторона прислала пару сотен книг для университетов. Китай выделил безвозмездно десять тысяч компьютеров для албанских школ. Этот факт стал достоянием общественности, его чрезвычайно раскручивали в местных СМИ. Имидж Китая как страны-спонсора заметно улучшился в Албании. Однако в обществе сохранилось определенное

Вот как такие противоречия находят отражение в общественном дискурсе:

Вон у нас новый аэропорт. Назывался раньше «Ринас» — по месту. А теперь носит имя Матери Терезы. Его нам собирались китайцы построить. Было такое предложение с их стороны: мы вам строим полностью бесплатно аэропорт. Вообще денег не берем! А еще в аэропорту построим карго — терминал для китайских товаров. И будем вам доставлять товары напрямую, без всяких посредников.

Как европейцы это узнали — сразу запретили. Европейский Союз боится проникновения Китая. Они никак не хотят его допускать в Европу. Остерегаются. Считают, что Европа — это для них, а не для китайцев. Тут же подогнали свой проект аэропорта. Это немецкий проект выиграл. Нам запретили строго-настрого с китайцами подписывать такой договор и разрешать открывать им карго. Сами нам построили. Все с нуля. Отличный аэропорт! Лучший на всех Балканах! Но мы им, европейцам, должны заплатить за него. Много денег. А китайцы нам бы бесплатно его построили. Может, правда, и эти [европейцы. — А. Н.] денег не возьмут (Информант: албанец, 46 лет, родом из г. Шкодры, владелец туристической фирмы. Интервью записано в Тиране в сентябре 2012 г.).

На бытовом уровне жители Албании от Китая ожидают каких-либо финансовых дивидендов и экономических программ развития для своей страны. Но больше наши информанты не склонны что-то ожидать. Такое, скорее потребительское отношение со стороны значительной части респондентов объясняется чисто обывательски: «Мы — маленькая страна. Нам же должны помогать». К Китаю во многом такое же отношение, как к странам Европейского Союза и другим государствам: «Нам нужна помощь. Мы сами не можем решить всех проблем. У нас почти полвека была диктатура».

При этом совершенно восторженное отношение к Западу в целом — как на бытовом, так и на государственном уровнях — находится в очевидном диссонансе с откровенно настороженным отношением к Китаю, от которого ожидают помощи, но не готовы, как показывают результаты опросов, принимать или даже понимать его культурный код и иные ценности. В этом же русле находятся страхи быть поглощенными огромной азиатской страной — не в смысле политическом и административном, а в смысле экономическом. В этом следует видеть корни в целом негативного отношения к *другому* — представителю Азии.

В Албании, например, в отличие от большинства европейских стран, за все годы начиная с 1991 г. почти не было открыто ни одного учреждения китайского общепита — единичные примеры являются

недоверие: «Вот китайцы нам так помогают. А зачем они это делают? Какую цель преследуют?» При этом вопрос о помощи от других стран вообще не дискутировался, это всецело одобрялась.

здесь не исключением, а скорее подтверждением констатируемого нами факта. В Тиране, в центре города был открыт много лет назад ресторан китайской кухни. Он обозначен большими красными фонарями, на его вывеске красуются золотые иероглифы. Однако с самого открытия заведения его владельцы предусмотрели в меню не только блюда китайской, но и европейской, включая албанскую, кухню. Интересный факт: кофе в этом заведении общепита пользуется большим спросом, чем традиционный для Китая чай. Более того, кофейная карта настолько разнообразна, что дает фору большинству специализированных кофейных учреждений в столице. Возможно, благодаря такому маркетингу с ориентацией на европейские вкусы клиентов учреждение много лет держится на плаву (при непрерывной череде банкротств, закрытий и ребрендинга предприятий общепита, вызванных не в последнюю очередь огромным предложением на рынке).

Отношение к китайцам в общем распространяется на всех «азиатов», хотя представителей других стран в Албании знают не настолько хорошо: с Японией, Кореей, Филиппинами и другими государствами среднестатистический житель этой балканской страны практически не сталкивается.

КОСОВО. В Косово сложилось совершенно другое отношение к выходцам из азиатских стран. Во-первых, жители бывшей Югославии (Социалистической Федеративной Республики Югославия, СФРЮ) обладали куда большей свободой, чем граждане социалистической Албании, ввергнувшей себя по своей воле в режим жесткой самоизоляции от внешнего мира. Коммунистический лидер Югославии Иосип Броз Тито после прихода к власти в 1944 г. попытался создать на Балканах страну с политической, экономической и общественной системой, почти копирующей Советский Союз (Никифоров 2005; Югославия в XX веке... 2011; Никифоров 2012; Балканы 2014). Однако ему этого не удалось сделать: экономика требовала гибкости и учета интересов частной собственности. После безуспешных попыток наладить социалистическую (в «чистом» смысле) экономику, Союз коммунистов Югославии пошел на сделку — в стране сохранилась крестьянская собственность на землю, в дальнейшем, в 1970-е гг., была проведена либерализация экономики. А до реформ Тито сумел договориться с лидерами западных государств, испытывавших в послевоенные годы небывалый экономический рост, о возможности работы для своих граждан на предприятиях, выраставших, как грибы после дождя, в Германии, Швеции, Франции, Швейцарии и других европейских странах. Соглашение о возможности безвизового въезда было достигнуто даже с США. На какое-то время югославский паспорт был одним из самых свободных в мире. Граждане Югославии, отправлявшиеся на заработки в Западную Европу, устраивались на предприятия вполне официально, их дети ходили в местные школы, учили

иностранные языки. Иммигранты из бывших югославских республик очень быстро становились своими, несмотря на то, что многие из них свое пребывание в странах Европы рассматривали как временное и после завершения трудового договора и выхода на пенсию, накопив достаточный капитал, возвращались на родину.

Многолетнее проживание в странах Европы приучало граждан Югославии, включая албанцев Косово, жить по принятым в них правилам: уметь наладить взаимопонимание и диалог с представителями самых разных культур, включая многочисленных мигрантов, прибывавших для работы, в том числе и азиатов. Возвращаясь в Югославию, бывшие гастарбайтеры и члены их семей переносили привитые навыки и умение выстроить отношения с представителями других культур у себя дома. Поэтому терпимость и готовность принять других органично вписывалась в парадигму югославской картины мира, Югославии это было свойственно в большей степени, чем Албании, отгороженной от внешнего мира глухим железным занавесом. К сожалению, подобная толерантность не касалась соседей по бывшей Югославии, что привело в конечном итоге к дезинтеграции государства в начале 1990-х гг., но на то имелись свои причины, рассмотрение которых не входит в задачи настоящей работы.

В период строительства социализма в Югославии мобильность югославского населения — почти во всех субъектах федерации — была чрезвычайно высока. Во многом она объяснялась экономическими причинами — высоким уровнем безработицы, социальной неустроенностью, неравномерным развитием республик (Мартынова 1998). Государство в свою очередь пыталось выровнять уровень доходов граждан в разных регионах страны. Однако эти попытки оказывались безуспешными. Тем не менее относительной гармонии в отношениях к иностранцам из далеких стран в СФРЮ смогли добиться. Тито сумел сделать Югославию почти официальным лидером неприсоединившихся стран: умелое лавирование между Западом и бывшим СССР приносило свои дивиденды в виде огромных кредитов и преференций для югославских предприятий. «В стране были деньги. Непонятно откуда, и как все это функционировало, но в Югославии были деньги. И было много денег» — такой рефрен звучит почти во всех записанных нами интервью.

СФРЮ проводила политику свободной торговли и тесных экономических связей с рядом государств, включая азиатские. На прилавках югославских магазинов были представлены в широком ассортименте товары из Японии, Китая, Кореи и других стран. В югославские университеты приезжали для учебы студенты из Азии, а сами югославы могли свободно выезжать в целый ряд азиатских стран в качестве туристов — этому способствовали как политика либерализации визового режима, так и высокие доходы югославских граждан. Никаких конфликтов

на межрасовой почве в стране не возникало и возникнуть не могло, так как контакты с представителями азиатских стран были ограниченными. В эти годы не проводилось и исследований об отношении в Югославии к представителям других рас, так как сам вопрос был в общем нерелевантен и неактуален.

Дезинтеграция бывшей Югославии в 1991 г., сопровождавшаяся межэтническими конфликтами, военными действиями и вмешательством международных сил, привела к ситуации разделения бывших республик с установлением новых государственных границ (Мартынова 1998). Федерация, состоявшая из шести союзных республик и двух автономных краев, превратилась на карте Европы в семь независимых государств (статус Косово при этом не принят рядом стран, включая Россию, Китай и др., Воеводина осталась в составе Сербии, потеряв ряд привилегий).

Косово, заявившее официально независимость в 2008 г., во многих отношениях (и особенно в том, что касается культурного кода) остается частью бывшей Югославии. Так, культурная память связывает албанцев Косово в большей степени с Югославией, поскольку значительная часть населения страны жила при югославском социалистическом режиме, чем с Албанией: с ней косоваров связывают язык, осознание общей истории, ряд фундаментальных этнических символов и маркеров (Ломоносов, Новик 2009: 226–227).

Вместе с тем наблюдается существенная корреляция восприятия *другого* в Косово и Албании (Novik 2012–2014: 410–423). Косово как часть бывшей Югославии входило в общеевропейское культурное пространство: здесь были приняты стандарты и мерки, характерные для большинства европейских стран (ср.: Todorova 2009). Это касалось и толерантности по отношению к представителям других стран и континентов, так как югославы с начала 1960-х гг. были адаптированы к принятию *другого*. В Албании, напротив, любой чужак воспринимался с подозрением — и не потому, что этого требовали условия и законы проживания в стране с тоталитарным режимом (согласно правилам гражданам предписывалось строго-настроено сообщать в компетентные органы о всех иностранцах и чужих, появившихся в округе, даже сами албанцы, уезжая в другую часть небольшой по территории страны, обязаны были получать разрешения и особые пропуска для путешествия, а по прибытии регистрироваться на месте временного пребывания⁸), а потому, что так попросту было привычно — замечать чужих, фиксировать их передвижения, контакты и проч.⁹ В этих условиях любой выходец из азиатских

⁸ Такой подход копировал советскую систему, однако в СССР, особенно в последние десятилетия его существования, мало кто исполнял данные правила и законы.

⁹ Тема отношения к чужим может быть рассмотрена и в русле патриархальности албанского общества, традиционно изолированного по *краинам* (алб. *krahinë*, -а) — историко-этнографическим областям, имевшим чаще всего естественные границы в виде горных хребтов, рек и т. п.

стран обращал на себя внимание, вызывал подозрение еще большее, чем любой другой *чужой* — ведь он отличался еще и физически. Поэтому, вероятно, отношение к азиатам и было, и осталось настороженным.

В Косово после кровопролитного конфликта и декларации независимости приехало для ведения бизнеса и налаживания торговли достаточное количество выходцев из Азии. В большинстве своем это китайцы. Магазины и рынки края наводнили китайские товары. Этому способствует и политика китайского руководства: практически ежегодные акции Международной торговой палаты Китая, стимулирование внешне-торговой деятельности, попытки наладить двусторонние экономические проекты. Успеху этой деятельности способствует и относительно невысокая покупательская способность населения Косово: китайские товары покупают, потому что они доступны.

В Косово открылись рестораны китайской кухни, однако они так же, как и в Албании, не очень популярны среди местного населения (феномен неприятия балканцами массовой зарубежной кухни — не только азиатской, но и американского фастфуда и др. — требует особого рассмотрения и исследования). В целом любой вид хозяйственной деятельности китайских бизнесменов «непрозрачен» для местных:

Вот китайцы у нас. Их много. Они открыли свои склады, доставляют к нам товары. Мы даже не знаем, как это все у них работает. Они к своему бизнесу никого не допускают. Свой канал поставки товаров, свои склады, свои магазины, потом в другие магазины поставляют. Работают у них только китайцы¹⁰. И деньги в Китай уходят. Пойди — разберись! (Информант: албанец, 32 года, родился в Приштине, менеджер частной компании. Интервью записано в сентябре 2016 г.).

Такой способ ведения бизнеса вызывает подозрение у косоваров, однако, как мы видим из опросов населения, это не влияет на оценку представителей других рас в шкале. Албанцы Косово демонстрируют большую терпимость по отношению к выходцам из азиатских стран, чем албанцы Албании.

ОТНОШЕНИЕ К ВЫХОДЦАМ ИЗ АФРИКИ И АФРОАМЕРИКАЦАМ В АЛБАНИИ И КОСОВО (ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

АЛБАНИЯ. Краткий период независимости Албании с 1912 по 1939 гг. характеризуется поворотом страны к Западу. Однако низкий уровень экономического развития, невключенность в колониальное европейское прошлое и вызванная этими причинами непривлекательность

¹⁰ Не совсем корректное утверждение. Нередко в магазинах с китайскими товарами работают продавцы албанцы. Информант также не учитывает тот факт, что изделия, произведенные в КНР, массово продаются через торговую сеть глобальных корпораций.

для мигрантов способствовали почти полному отсутствию как самих африканцев в стране, так и знаний о них.

Оккупация Албании фашистской Италией в 1939 г. не привела к расширению кругозора среднестатистического жителя страны в отношении к *чужим* — в условиях войны *чужие* воспринимались как враги. На то были объективные причины: военные действия, гибель мирного населения, экономическая разруха. В стране возникло мощное партизанское движение, которое возглавляли молодые коммунисты, поддерживаемые Советским Союзом. Вхождение подпольных партийных групп в Коминтерн не гарантировало отсутствие расовых предрассудков у части их членов и отказ от таковых у части общества.

Приход к власти в Албании коммунистов в 1944 г. способствовал сближению с СССР и в дальнейшем с другими странами социалистического лагеря (Смирнова 2003). Однако эти новые связи с зарубежьем не способствовали приезду в страну сколько-нибудь заметной прослойки иностранного населения. Например, в бывшем СССР, являвшемся локомотивом международного коммунистического движения, учились студенты практически из всех африканских стран (в дальнейшем многие из них стали правящей элитой в своих странах). В Албании, изолировавшей себя от остального мира, такие студенты никогда не учились. В бывшем СССР, как и в других социалистических странах, с определенной периодичностью проводились международные форумы и акции (как, например, VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 г. в Москве; в 1978 г. подобный фестиваль, XI по счету, прошел в Гаване, на Кубе). Во время таких мероприятий у представителей разных стран была отличная возможность познакомиться друг с другом — здесь можно вспомнить и такие последствия, как «детей фестиваля» (появившихся в основном у русских женщин от мужчин, приехавших на фестиваль из стран Азии, Африки и Латинской Америки). Проведение подобного мероприятия в Гаване также способствовало падению барьеров в общении между представителями разных стран, рас и конфессий. В Албании у населения такого опыта не было: сюда не приезжали африканцы, сами албанцы почти не бывали в африканских странах или Северной и Южной Америках. Такая ситуация способствовала лишь межрасовому отчуждению.

При этом в Советском Союзе исключительно популярными и действенными были лозунги о единении пролетариев всех стран и всех континентов. Во многом это были не пустые слова, многие жители СССР верили в коммунистические идеалы о равенстве так же, как и в победу коммунизма. В Албании такой массированной пропаганды никогда не велось. Здесь, скорее, упор был сделан на межклассовую борьбу, риторика, связанная с освобождением всех угнетенных народов здесь никогда не акцентировалась — у албанцев были иные насущные проблемы и задачи. Скорее для них была важна партийная борьба с лидерами стран-соседей.

Неготовность принять *чужих* в Албании коррелирует и с субъективными оценками «красиво ~ некрасиво». Наши респонденты готовы оценивать то, что им хорошо знакомо по личному опыту или из общего информационного поля (СМИ, Интернет и др.). Важно, повторим, что в Албании чернокожих студентов из Африки или Америк в годы монизма практически не было. Албанцы вообще мало были знакомы с Африканским континентом — Африка не входила в круг интересов балканской страны. Единственным исключением здесь является прежде всего Эфиопия, которая в середине 1930-х гг. была оккупирована, как позже и Албания, итальянскими войсками и вошла в так называемую империю Муссолини (кроме самой фашистской верхушки Италии так, впрочем, никто не считал). Однако и сведения об Эфиопии среди рядовых граждан в Албании очень скудны — здесь не помогло даже включение на непродолжительный период в единую политическую плоскость¹¹. (Эфиопы, впрочем, являются представителями малой расы и не относятся к негроидам, однако из опрошенных нами респондентов этот факт мало кому известен.)

Сотрудники дипломатических представительств в годы *монизма* жили изолированно от жителей албанской столицы — им была выделена фешенебельная по албанским меркам «резервация» — улица Скандербега в Тиране, ограниченная улицами Дурреса и Кавайи. Поэтому редкие случаи, когда в Албанию попадали чернокожие дипломаты (из Франции, скажем, или других стран), не становились общеизвестным фактом ни для столичных жителей, ни (тем более) для тех, кто жил в глубинке.

После демократических преобразований в страну стали приезжать африканцы. В Тиране открылись посольства США и других государств, здесь работали и работают чернокожие дипломаты и сотрудники. Однако их воспринимают как совсем далеких *чужих*: «Они же дипломаты. Они — не в счет!».

Помимо сотрудников дипломатических представительств и международных организаций, в Албании почти нет других чернокожих: тех, кто живет здесь, можно буквально пересчитать по пальцам руки. Соответственно правильно говорить о том, что рядовые албанцы практически не имеют опыта общения с людьми другой, чем они сами, расовой принадлежности.

Незнание ведет к опасениям: на всякий случай большинство албанцев избегает — чисто декларативно — заводить какие-либо отношения с африканцами, афроамериканцами и т. п. Такое отношение к себе последнее быстро улавливают. Приведем фрагмент интервью, записанного по-английски у выходца из Африки, обладающего французским паспортом и преподававшего французский язык в Тиране:

¹¹ Здесь можно привести пример из романа Исмаиля Кадаре «Хроника в камне», в котором есть следующий эпизод: дети в г. Гирокастре играют с почтовыми марками из разных стран, они не знают или путают ряд государств, но при этом имеют представление о том, где находится Эфиопия.

Александр Новик: Как Вам здесь живется?

Информант: Хорошо. Все устраивает. Страна недорогая. Можно позволить себе многое.

А. Н.: Вы знаете албанский?

И.: Зачем? Я его даже не учу!

А. Н.: А почему?

И.: А зачем он нужен? С кем мне надо — я и по-английски могу договориться. А так язык моей работы — французский.

А. Н.: Но в общем, интересно.

И.: Мне не надо. Я не собираюсь здесь жить. Это не та страна, где надо оставаться. Она не для таких, как я.

А. Н.: Что вы имеете в виду?

И.: Ну... Они к нам так относятся. Нас никто здесь не принимает, мы здесь чужие.

А.Н.: В каком плане не принимают? Вам что-то такое говорят?

И.: Да нет! Они никогда не скажут. Это не то. Но чувствуешь, что ты совершенно здесь чужой.

А. Н.: Что-то расистское?

И.: Нет! Я такого не говорил. И я — преподаватель университета.

А. Н.: В чем же дело?

И.: Они просто такие. К чужим относятся так, что никогда не станешь здесь своим. Вы понимаете. Мы для них — полная экзотика.

(Интервью записано в сентябре 2017 г.)

КОСОВО. Югославия несколько десятилетий — до распада — позиционировала себя как главный локомотив движения неприсоединения к одному из основных военно-политических блоков. Так или иначе эта позиция принималась главными центрами мировой политики. Советский Союз относил ее к числу стран социализма, а западные страны осознанно включали Югославию в список стран с рыночной экономикой, противопоставляя тем самым большую балканскую страну Восточному блоку. Тесные экономические связи, широкие политические контакты и идеологическая толерантность югославских властей вели к открытости страны. Сотни тысяч трудовых мигрантов, работавших в Западной Европе, переносили после своего возвращения на родину толерантное отношение к *чужим*, которое они усваивали за годы жизни за рубежом.

Вместе с тем в югославской глубинке, почти независимо от региона, сохранялась определенная настороженность к экзотическим *чужим* — тем, с кем контактов у людей, не имевших опыта жизни и работы за границей, практически не было. Такая ситуация, согласно результатам опросов, сохраняется в большинстве независимых государств, возникших на месте Югославии, до сих пор.

В Косово почти никогда не было мигрантов из африканских стран, здесь не учились студенты из Африки (как было в Белграде или Загребе), чернокожий человек был для рядового жителя Косово в диковинку. Поэтому сложившегося отношения к представителю другой расы,

базирующегося на личном опыте или на *common knowledge* — коллективных знаниях, у косоваров не было. Могли быть лишь страхи перед теми, кого плохо знали.

Вооруженный конфликт, сопровождавший дезинтеграционные процессы в бывшей Югославии, привел в Косово значительный контингент международных войск и полиции, а также стал поводом для прибытия значительной группы сотрудников международных организаций, в которых служат и работают тысячи представителей самых разных стран. Среди них достаточно много чернокожих людей, которых местные албанцы называют, как и всех остальных иностранцев, — *ndërkombëtarë*, то есть ‘международные’ (в отличие от *i huaj* ‘чужой, иностранец’). На уровне терминологии видны разные подходы к тем, кто приезжает из стран, где есть чернокожее население, и тем реальным чернокожим, которые служат в международных организациях: цвет кожи как бы не берется в расчет, людей противопоставляют по их социальной роли.

В качестве примеров приведем несколько фрагментов интервью, записанных в 2008, 2017 и 2018 гг.:

У нас вообще нет чернокожих. Мы их никогда не видели. Американские военные? Из Франции? Так они и не чернокожие. Ах, да. Может быть, есть, но послушай... Как это? Они же такие темные, как и наши цыгане. Ну и что? Ведь они к нам приехали помогать. Мы к ним очень хорошо относимся. Они же — не те, которые из Африки. (Информант: албанец из г. Гилян, Косово, 52 года, переводчик. Август 2008 г. Запись сделана в Гиляне).

Я так благодарен американцам! И вообще мечтаю в Америке побывать. Но хочу два раза туда поехать. Один раз — посмотреть страну. А второй — поработать в Америке волонтером. Американцы так много сделали для моей страны и моего народа! Я готов отплатить им, чем могу. Готов работать на самых трудных и грязных работах. Я люблю всех американцев, любой расы — всех одинаково обожаю. Спасибо им! (Информант: албанец из г. Призрен, Косово, 26 лет, преподаватель гимназии. Август 2018. Запись сделана в Големе, округ Кавайя, Албания).

Не-а, африканцы нам не нужны. Я вообще не хочу иметь с ними дело. Чернокожие — в каком смысле? Те, которые у нас работают в международных организациях, ООН, ОБСЕ, интернациональных компаниях? Какая разница в этом случае? В этом случае цвет кожи не играет роли. А когда играет? Ну, когда они захотят к нам навсегда переехать! В спорте? А в спорте — это можно. Главное — чтобы играли хорошо. (Информант: албанец из г. Феризай, Косово, 28 лет, профессиональный спортсмен. Август 2018 г. Запись сделана в селе Соева, Косово).

РЕГРЕССИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Бинарная логистическая модель, построенная отдельно для Албании и для Косово на данных 4-ой волны Европейского исследования ценностей (EVS 2008), где зависимой переменной был ответ на вопрос: «Укажите группы людей, с которыми вы не хотели бы жить по соседству — представители другой расы», где 0 — не отмечено, 1 — отмечено (в списке из 14 групп). Интересно отметить, что в Албании нетерпимость к соседям, являющимся представителями других рас, — универсальное явление, оно не предсказывается ни социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, образование, трудоустройство), ни религиозными убеждениями, кроме того факта, что православные в Албании несколько меньше склонны к такого рода расистским позициям, а католики — больше (и то, и другое — по сравнению с мусульманами). В Косово же, напротив, наблюдается значительная дифференциация по этому вопросу среди различных групп населения. Так, пожилые люди, более религиозные, а также домашние хозяйки и христиане (являющиеся в этой стране меньшинством) более склонны к нетерпимости по отношению к соседям иной расы в Косово. Очень любопытен эффект образования. Чем оно выше, тем выше нетерпимость. Кроме того, студенты значительно отличаются от работающих людей, им в большей степени свойственны проявления расизма. Это очень нехарактерное для других стран явление, так как из многочисленных сравнительных исследований ценностей хорошо известно, что практически везде в мире образование ведет к повышению уровня открытости и толерантности (Инглхарт, Вельцель 2011; Инглхарт 2018).

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РЕГРЕССИЙ ПО АЛБАНИИ И КОСОВО (ОТДЕЛЬНО)*

	Албания	Косово
Образование_полное среднее	.	***
Образование_высшее	.	***
Пол_женский		
Возраст		***
Посещение мечети / храма		***
Трудоустройство	Опорная категория	
Самозанятость		
Студент		***
Безработный		- ***
Пенсионер		
Домохозяйка		***

	Албания	Косово
Вероисповедание (мусульм.)	Опорная категория	
Православное	- *	***
Католическое	***	
Отказ от ответа о религ.		

* Уровни значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

ВЫВОДЫ

Какие социально-демографические характеристики связаны с высоким уровнем расовой нетерпимости в Албании и Косово? В общемировом контексте ответ известен: более пожилые, менее образованные, бедные, живущие вне больших городов люди (особенно мужчины) склонны к неприятию *других* (в зиммелевском смысле) больше, чем молодые, урбанизированные, образованные и обеспеченные (Инглхарт 2018). Однако пересмотренная теория модернизации, на которую опираются эти выводы, была сформирована на данных из политически устойчивых и экономически процветающих обществ. Специфика балканского региона и теоретическая важность его изучения с точки зрения отношения к *другим* связана с историей экономического спада, политической дезинтеграции и этнических конфликтов. Здесь можно ожидать отношение к соседям, обусловленное скорее травматичным опытом конфликта и быстрой последующей трансформацией обществ.

В Албании и Косово проживает преимущественно албанское население, объединенное языком, культурой, общей историей и традициями. Тем не менее в этих обществах наблюдается во многом различное отношение к соседям — представителям других рас. Нетерпимость в этих двух странах значительно выше, например, чем в более открытых для туризма и более богатых Хорватии и Черногории, однако и между этими обществами есть заметные отличия. Представляется, что причины более негативного отношения к соседям — представителям других рас в Албании связаны с длительной историей изоляции страны, а также с тем фактом, что до сих пор в Албании мало иммигрантов, а эмигранты редко возвращаются в страну после отъезда. В Косово, долгое время бывшем частью Югославии и Сербии, сложилась более благоприятная ситуация с открытостью к людям из других, особенно далеких, стран. Было показано, что во времена Тито многие косовары выезжали на заработки в западноевропейские страны, где получали опыт международного взаимодействия, в том числе с представителями других рас. Поскольку многие югославы возвращались на родину, их опыт межкультурного взаимодействия не утрачивался.

Изложенные исторические сведения и приведенные этнологические материалы подтверждают теорию контакта, однако, исходя из этих

предпосылок, можно было бы ожидать большей толерантности в Косово. В то же время этот регион относительно недавно находился в ситуации длительного, в том числе вооруженного, этнического конфликта, в котором не было расового компонента, но в целом вопрос о соседстве с *другими* стоял очень жестко. Представляется, что это не могло не оказать негативного воздействия на готовность к соседству с любыми *другими*, что подтверждается данными. Действительно, как видно из рисунка 1, в Косово нетерпимость к любым *другим* в качестве соседей выше, чем в остальных странах бывшей Югославии (ближе всех к Косово по уровню нетерпимости к представителям других рас оказывается Словения, дальше всех — Черногория и Хорватия).

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. // отв. ред. Р. П. Гришина. М., 2014.
- Баньковская С.* Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 75–87.
- Зиммель Г.* Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
- Зиммель Г.* Эссе о чужаке / пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 7–13.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018.
- Краснопольская И. И., Солодова Г. С.* Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 24–35.
- Ломоносов М. Ю., Новик А. А.* Этноисторический Дарданский миф и изменение идентичности албанцев Косово // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 226–227.
- Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.
- Могильнер М.* Ното імрегі. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2008.
- Никифоров К. В.* Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии. М., 2005.
- Никифоров К. В.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012.
- Новик А. А.* Советские жены в Албании: к истории евреев на Балканах // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2018. Вып. 20. С. 238–256.

Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011.

Смирнова Н. Д. История Албании в XX веке. М., 2003.

Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 65–81.

Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб., 2015.

Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011.

Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.

Allport G. W., Clark K., Pettigrew T. The nature of prejudice. Massachusetts, 1954.

Bonilla-Silva E. Rethinking racism: Toward a structural interpretation // American sociological review. 1997. P. 465–480.

Bardhoshi N., Lelaj O. Etnografi në Diktaturë: Dija, Shteti, Holokausti Ynë. Tiranë, 2018.

EVS (2016): European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008). GESIS Data Archive, Cologne. ZA4800 Data file Version 4.0.0, doi:10.4232/1.12458

Foner N., Alba R. Immigrant Religion in the US and Western Europe: Bridge or Barrier to Inclusion? // International Migration Review. 2008. Vol. 42. № 2. P. 360–392.

Geddes A., Lees Ch., Taylor A. The European Union and South East Europe: The Dynamics of Europeanization and multilevel governance. London; New York, 2013.

Historia e popullit shqiptar në katër vëllime. Vëll. 4: Shqiptarët gjatë luftës së dytë botërore dhe pas saj, 1939–1990 / Red. Shkencor Xhelal Gjeçovi. Tiranë: Botimet Toena, 2008.

Ha S. E. The consequences of multiracial contexts on public attitudes toward immigration // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 1. P. 29–42.

Hainmueller J., Hopkins D. J. Public attitudes toward immigration // Annual Review of Political Science. 2014. Vol. 17. P. 225–249.

Held J. (ed.). Populism in Eastern Europe: Racism, nationalism, and society. Boulder, CO, 1996. Vol. 440.

Hirsch F. Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; London, 2005.

MacMaster N. Colonial migrants and racism: Algerians in France, 1900–62. London, 1997.

Müller R., Schumann W. Integration of Western Balkans into EU and current state of affairs. URL: http://www.prince27plus.eu/courses_western-balkans-and-the-european-union (accessed: 16.01.2016).

Murgasova Z., Ilahi N., Miniane J., Scott A., Vladkova-Hollar I. and an IMF Staff Team. The Western Balkans: 15 years of economic transition. Washington, 2015. (= Regional Economic Issues. Special Report, March 2015).

Novik A. Albanians in Albania, Kosovo, F.Y.R.O.M., Montenegro, Serbia and Greece: Seeing the Neighbourhood of the Western Balkans // Revue Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Europeen [Bucharest]. № 40–44 [2010–2014] Castilia Manea-Grgin ed. P. 410–423.

Park R. E., Burgess E. W. The city. Chicago, 2019 [1925].

Pettigrew T. F. Intergroup contact theory // Annual review of psychology. 1998. Vol. 49. № 1. P. 65–85.

Sinani Sh. Albanians and Jews: the protection and salvation. A monographic study. Tirana, 2014.

Theo Goldberg D. Racial europeanization // Ethnic and racial studies. 2006. Vol. 29. № 2. P. 331–364.

Todorova M. Imaging the Balkans. Oxford, 2009.

ATTITUDES TOWARDS NEIGHBORS OF OTHER RACES: THE CASES OF ALBANIA AND KOSOVO

A B S T R A C T. This article utilizes ethnological fieldwork data and sociological mass survey data to analyze attitudes of Albanians and Kosovo citizens (also Albanians ethnic-wise) towards people of other racial backgrounds. This interdisciplinary approach allows comparing overall levels of racial intolerance at Balkans and identifying individual characteristics that predict higher levels of racism. Simultaneously, rigorous fieldwork and interviewing adds much to this generalized picture by introducing real experience and explanatory paradigms of people who live at Balkans concerning racial “others” (in Simmelian sense). The racial issue at Balkans is theoretically appealing as most people live, and have always lived, in racially homogeneous neighborhoods (with the only experience of exposure to interracial contact in the times of Albanian-Chinese friendship in 1961–1971). Thus, the question of their readiness to live in racially-mixed neighborhoods becomes a proxy for openness to any unknown “others”.

We show that in Albania, which used to be isolated for decades, the level of intolerance towards any group of “other” is very high. In Kosovo, which used to be a part of more open Yugoslavia, the attitudes are significantly more tolerant. However, in Kosovo those attitudes to “others” are still worse than in all the other former Yugoslavian republics, which is likely to be an effect of a recent violent inter-ethnic conflict.

KEY WORDS: Albania, Kosovo, multidisciplinary research, European Values Study, racism, neighbors in Europe

Veronika V. KOSTENKO — Candidate of Sociological Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, St.Petersburg)

E-mail: veronika.kostenko@gmail.com; vvkostenko@hse.ru

Alexander A. NOVIK — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University (Russia, St.Petersburg)

E-mail: njual@mail.ru; novik.petersburg@gmail.com

REFERENCES

Allport G. W., Clark K., Pettigrew T. *The Nature of Prejudice*. Mass.: Addison-Wesley Publ. Co, 1954. (in English).

Ban'kovskaya S. [The Other as an Elementary Notion of Social Ontology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [The Russian Sociological Review], 2007, vol. 6, no. 1, pp. 75–87. (in Russ.).

Bardhoshi N., Lelaj O. *Etnografi në Diktaturë: Dija, Shteti, Holokausti Ynë* [Ethnography under Dictatorship: Knowledge, State, Holocaust]. Tiranë: Albanian Academy of Sciences Publ., 2018. (in Albanian).

Bonilla-Silva E. Rethinking Racism: Toward a Structural Interpretation. *American sociological review*, 1997, pp. 465–480. (in English).

EVS (2016): European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008). GESIS Data Archive, Cologne. ZA4800 Data file Version 4.0.0, doi:10.4232/1.12458. (in English).

Filippov A. F. [Justification of Theoretical Sociology: an Introduction to the Concept of George Zimmel]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 1994, no. 2, pp. 65–81. (in Russ.).

Foner N., Alba R. Immigrant Religion in the US and Western Europe: Bridge or Barrier to Inclusion? *International Migration Review*, 2008, vol. 42, no. 2, pp. 360–392. (in English).

Geddes A., Lees Ch., Taylor A. *The European Union and South East Europe: The Dynamics of Europeanization and Multilevel Governance*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 2013. (in English).

Gjeçovi Xhelal (red. sc.) *Historia e popullit shqiptar në katër vëllime. Vëll. 4: Shqiptarët gjatë luftës së dytë botërore dhe pas saj, 1939–1990* [The History of the Albanian People in 4 vol. Vol. 4: The Albanians during and after the Second World War, 1939–1990]. Tiranë: Botimet Toena Publ., 2008. (in Albanian).

Grishina R. P. (ed.) *Balkany v yevropeyskikh politicheskikh proyektakh XIX–XXI vv.* [Balkans in European Political Projects of the 19 — 21st Centuries]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2014. (in Russ.).

Ha S. E. The Consequences of Multiracial Contexts on Public Attitudes Toward Immigration. *Political Research Quarterly*, 2010, vol. 63, no. 1, pp. 29–42. (in English).

Hainmueller J., Hopkins D. J. Public attitudes toward immigration. *Annual Review of Political Science*, 2014, vol. 17, pp. 225–249. (in English).

Held J. (ed.) *Populism in Eastern Europe: Racism, nationalism, and society*. Boulder, CO: East European Monographs, 1996, vol. 440. (in English).

Hirsch F. *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2005. (in English).

Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2011. (in Russ.).

Krasnopolskaya I. I., Solodova G. S. [Group Perception of a Stranger in G. Simmel sociology]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 4, pp. 24–35. (in Russ.).

Lomonosov M. Yu., Novik A. A. [Ethno-Historical Dardan Myth and Change in the Albanian Identity of Kosovo]. *VIII Kongress etnografov i antropologov Rossii: tez. dokl. Orenburg, 1–5 iyulya 2009 g.* [The 8th Congress of Ethnographers and Anthropologists of

Russia: theses of reports. Orenburg, July 1–5, 2009]. Orenburg: OGAU Publ., 2009, pp. 226–227. (in Russ.).

MacMaster N. *Colonial migrants and racism: Algerians in France, 1900–62*. London: Palgrave Macmillan, 1997. (in English).

Martynova M. Yu. *Balkanskiy krizis: narody i politika* [Balkan Crisis: Peoples and Politics]. Moscow: Staryy sad Publ., 1998. (in Russ.).

Mogilner M. *Homo imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Homo imperii. The History of Physical Anthropology in Russia (late 19th — early 20th Century)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. (in Russ.).

Müller R., Schumann W. *Integration of Western Balkans into EU and current state of affairs*. Available at: http://www.prince27plus.eu/courses_western-balkans-and-the-european-union (accessed: 16.01.2016). (in English).

Murgasova Z., Ilahi N., Miniane J., Scott A., Vladkova-Hollar I. and an IMF Staff Team. *The Western Balkans: 15 years of economic transition*. Washington, D. C.: International Monetary Fund, 2015. (= Regional Economic Issues. Special Report, March 2015). (in English).

Nikiforov K. V. (ed.) *Revolutsii i reformy v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy: 20 let spustya* [Revolutions and Reforms in Central and Southeast Europe: 20 Years Later]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.).

Nikiforov K. V. (ed.) *Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Yevropa. Konets XX — nachalo XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiya. Istoriko-politologicheskii spravochnik* [Central and South-Eastern Europe. The End of XX — the Beginning of XXI Century. Aspects of Social and Political Development. Historical and Political Handbook]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2015. (in Russ.).

Nikiforov K. V. (ed.) *Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Yugoslavia in the Twentieth Century: Essays on Political History]. Moscow: Indrik Publ., 2011. (in Russ.).

Nikiforov K. V. *Samoprovozglashennye gosudarstva na territorii byvshey Yugoslavii* [Self-Proclaimed States in the Territory of the Former Yugoslavia]. Moscow: Evropa Publ., 2005. (in Russ.).

Nikiforov K. V. *Serbiya na Balkanakh. XX vek* [Serbia in the Balkans. Twentieth Century]. Moscow: Indrik Publ., 2012. (in Russ.).

Novik A. Albanians in Albania, Kosovo, F.Y.R.O.M., Montenegro, Serbia and Greece: Seeing the Neighbourhood of the Western Balkans. Castilia Manea-Grgin (ed.) *Revue Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Europeen* [Bucharest], 2010–2014, no. 40–44, pp. 410–423. (in English).

Novik A. A. [Soviet Wives in Albania: the History of the Jews in the Balkans]. *Problemy slavyanovedeniya. Sbornik nauchnykh statey i materialov* [Problems of Slavic Studies. Scientific Articles and materials]. Bryansk: Bryansk State Univ. Publ., 2018, iss. 20, pp. 238–256. (in Russ.).

Park R. E., Burgess E. W. *The City*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2019 [1925]. (in English).

Pettigrew T. F. Intergroup Contact Theory. *Annual Review of Psychology*, 1998, vol. 49, no. 1, pp. 65–85. (in English).

Sinani Sh. *Albanians and Jews: the Protection and Salvation. A monographic Study*. Tirana: Naimi, 2014. (in English).

Smirnova N. D. *Istoriya Albanii v XX veke* [The History of Albania in the Twentieth Century]. Moscow: Nauka Publ., 2003. (in Russ.).

Theo Goldberg D. Racial europeanization. *Ethnic and racial studies*, 2006, vol. 29, no. 2, pp. 331–364.

Todorova M. *Imaging the Balkans*. Oxford: Oxford Univ. Press US, 2009. (in English).

Yarskaya-Smirnova E. *Sotsiokul'turnyy analiz netipichnosti* [Sociocultural Analysis of Atypical]. Saratov: Saratov State Univ. Publ., 1997. (in Russ.).

Zimmel G. [Excursion about the Stranger / transl. A. F. Filippov]. *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost, perspektivy. Almanakh zhurnala «Sotsiologicheskoe obozrenie»* [Sociological Theory: History, Modernity, Prospects. The Almanac of the Journal “Sociological Review”]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2008, pp. 7–13. (in Russ.).

Zimmel G. [Man as an Enemy]. *Sotsiologicheskyy zhurnal* [Sociological Journal], 1994, no. 2, pp. 114–119. (in Russ.).